

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ЕЛЕНА
ФЕРРАРИ

ЭРИФИЛЛИ

ИСКУССТВО

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ЕЛЕНА ФЕРРАРИ

ЭРИФИЛЛИ

Стихотворения

Водолей
Москва — 2009

ББК 84Р7-5
Ф43

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Гюряева (Россия),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Послесловие *Л. С. Флейшмана*
Редактор *А. Б. Устинов*

ISBN 978-5-91763-004-5

© Л. С. Флейшман,
послесловие, 2009
© Водолей, 2009

ЭРИФИЛЛИ

Берлин: Огоньки, 1923

ΓΕΟΥΓΥ

ЭРИФИЛЛИ

Тихо на море. Тихо везде –
Вдали и вблизи.
Эрифилли неслышно по темной воде
Скользит.
Звезды в воде – янтари
Лиловой морскою ночью.
На мачте нашей горит
Алый цветочек.
На мачте нашей горит
Кровавый флажок, –
В зеркале моря свои фонари
Зажег.
Расцветает, как в утреннем небе,
Золотой солнечный шар.
Выплывает, как алый лебедь, –
Красный петух – пожар. –
Звезды! Свой блеск тусклый, бедный,
Спрячьте.
У нас огнем горит победа
На мачте!..

* * *

А.Б.

Золото кажется белым
На темном загаре рук.
Я не знаю, что с Вами сделаю,
Но сама – наверно, сгорю.

Я уже перепутала мысли
С душным, горячим песком,
От яблок неспелых и кислых
На зубах и словах оскомины.

Беспокойно морское лето.
Я одна. Я сама так хотела.
Обеднелые грустны браслеты
На коричневом золоте тела.

* * *

Море в отсвѣтах лиловых
Устало дышать.
Губы, давно не целованные,
Ждут и дрожат.

Ветер слегка свежеет,
Тревожен покой...
Кто в выгибе теплой шеи
Приютится щекой?

* * *

Пахнет морем и зноем,
Ноги стройны и бодры.
Режет глаз белизной
Полотенце на бедрах.

Поет и на море глядит,
Смеясь, окликает волну.
К загорелой этой груди
Почему мне нельзя прильнуть?

* * *

*Памяти моторов
«Дозор» и «Евгений»*

Море – битва, мачта – знамя.
Вой, реви, рычи, норд-ост. –
Не задуть тебе над нами
В черном небе белых звезд.

Море судно наше гложет,
Как собака гложет кость.
Море нам готовит ложе,
Колыбельную – норд-ост.

Смотрит сверху бог матросов –
Через бурю и норд-ост
В море нам он перебросит
Путь на небо – звездный мост!

* * *

Мне звезды на небе – глаза твои.
На палубе ветрено, холодно.
Этим ветром жизнь моя надвое
Расколота.

Качается мачта соломинкой,
Плотно заперты двери губ.
В этот час в твоём белом домике
Подумай обо мне на берегу.

Белый гипс на черном дереве,
Мертвы глазные впадины,
Узлом галстука серого
Завернулось распятие.

Не могу я молиться Богу:
Говорю человечесьё имя.
Подумай обо мне немного.
Позови меня.

СВЕЧИ К ОБРАЗАМ

Я люблю в вечернем храме
Ставить свечи к образам
И к Тебе в широкой раме
Поднимать мои глаза.

Позабыть людские лица,
И дышать легко, легко,
И без слов душой молиться
В тишине Твоих икон.

Льется в сумеречном свете
Голубая благодать.
Ты душе моей ответишь,
Не сказав ни «нет» ни «да».

Робко опустив ресницы,
Я уйду в мерцанья свеч
И всю ночь мне будет сниться
Глаз Твоих немая речь.

МОЛИТВА

За запах полей унавоженных,
За эту прозрачность небес,
За мир в моем сердце тревожном –
Господи, Слава Тебе.

Что завтра несет мне с собою –
Расцвету ли заново я,
Или сердце исполнится болью –
Твоя да будет воля,
Да будет воля Твоя!

ЭШЕЛОНЫ

Памяти Бакунинского отряда

Под горами и над уклонами,
Врезаясь в зеленую грудь,
Вереницей ползут эшелоны,
Потрясая железный путь. –

И грустят удивленные степи,
Не поняв: зачем и куда?
Зачем гудками нелепыми
Растревожили тишь поезда,

Зачем путями воздушными
Новые песни солдат
Дружным роем вслед за теплушками,
Как чайки за судном, летят?

Песен слышали степи немало,
Но еще не слышали такой:
– С Интернационалом
Воспрянет род людской...

Видно, время такое приспело
И для Тебя, моя родина,
Что черноземное тело
Всколыхнули мечты о свободе.

...Рельсы дрогнули: Кто? Откуда?
Стонут степи: зачем и куда?
Под откосами трупов груды
И разбитые поезда...

И опять в зеленое лоно,
В неведомый страшный путь,
Всё ползут и ползут эшелоны,
Как железные змеи ползут.

ПОЛНОЧЬ

Ивану Пуню

Свет электричества камень бѣлит,
Блеском кривым смеются панели.
Где-то в углах, в закоулках ночи
Прячет гримасы свои одиночество.

В глубь троттуаров уходит фигура,
Усталую тень волоча за собой.
Может быть, бросит случайно окурок
Ей городская, скупая любовь.

КАФЕ

И.П.

В черном, кривом переулке
Визжит и зовет фокс-трот.
Проходит шумно и гулко
Веселый, ночной народ.

Не плачь. Слезам не поверят!
Пей и пляши фокс-трот.
И шлепают пьяные двери
Кафе, как неряшливый рот.

ПОЛДЕНЬ

Сергею Рафаловичу

Бежали улицы зигзагами куда-то,
Метался испуганный трамвай,
А над домами, в облаках лохматых,
Кривлялась рыжая большая голова.

Беги в толпе, зови – и разорвись от крика –
К тебе не скóсят мозаичных глаз
Соборы – темные, закóпченные лики, –
Не вздрогнет в панцире асфальтовом земля,

И трубы водосточные от крыши
Не склонятся с участием к тебе,
И даже брат твой не услышит,
С работы торопясь на свой обед.

НА УГЛУ

Ксении Богуславской

Кружево на платице,
Юбка коротка.
Худенькая прячется
В рукаве рука.

Беспокойна улица,
Потолком туман.
Наверху сутулятся
Черные дома.

Ждать здесь каждым вечером,
Завтра и всегда.
Что дожждаться нечего
Знать – и всё же ждать.

Грустно ходят лошади,
Желты фонари.
Бьют часы на площади:
Раз – два – три.

ЧАСЫ ВОКЗАЛЬНЫЕ

Глядят на мир двенадцатью глазами,
Устали время стрелкой отмечать
На бесконечном, тягостном экзамене.
А рядом в фонаре горит свеча,

Вагоны мимо катятся ворчливо,
Поют рожки всё те же две-три ноты,
И люди неустанно, суетливо
Несут свои пакеты и заботы.

Часы молчат. Они не могут плакать
От одиночества. Но ждут они.
Спокойно-бледным ликом циферблата
Встречают дальних поездов огни.

ВОКЗАЛ

В сером, каменном вокзале
Грязный стол был пивом залит.
Взгляд ли твой, твоя слеза ли
О печали мне сказали?

Я одна в пустом вагоне,
Ты – за рамою оконной,
И в последнюю минуту
Слов не надо почему-то.

* * *

Куда мне девать глаза
От Ваших внимательно-строгих?
Какими словами сказать
О радостной новой тревоге?

Я привыкла прямо смотреть,
Быть свободно-собой всегда,
Но в неясном и смутном трепете
Вам я глаз не могу отдать.

Отчего я Вам письма пишу,
Хоть и знаю, что их не отправлю,
И на Ваши редкие шутки
Мой смех слезами отравлен?

Отчего в непонятном смятении,
В пустоте вечеров одиноких,
Я слежу за большою тенью
На экране Ваших окон?

* * *

Тенью серой, тенью тихой
В кресле Вашем посижу,
И часами будет тикать
Опустелых комнат жуть.

Мне в стекло балконной двери
Клювом зяблик постучит,
И заглянут неуверенные
И ненужные лучи.

Стены, сиротливо-строго,
Будут мне молчать о Вас,
И в поникшем сердце дрогнут
Запоздалые слова.

* * *

Вы уедете и сразу станет пусто;
Сердце бедное заледенеет.
Пусть и снег лежит и ветер пусть –
Мне уж быть не может холоднее.

Не изменится ничто вокруг,
Всё останется по-прежнему,
Только я – вступая в новый круг, –
Улыбаться буду реже.

* * *

Захлопнутым мышонком сердце билось.
Не смей жалеть меня, не смей ласкать.
Луна неловко и несмело торопилась
Лицо свое укрыть за облака.

Любить не надо. Мне любить не надо.
И не тебе мою рассеять боль.
И ночь и этот сад совсем не рады,
Что видят нас с тобой.

* * *

От зеркал и стекол зайчики
Снова пляшут на обоях.
Снова теплый луч весенний
Примирит меня с тобою.

Я люблю мой путь суровый,
Одиночество и волю, –
Но весенним ясным вечером
Я прийти тебе позволю.

* * *

Свищет и дразнит ветер,
В стекла лупит дождь,
Что творится на свете –
Не поймешь.
И стону и вою радо,
Кувырком, скачком, непопадом
Расплясалось белое безумие –
Бедная моя голова! –
Мысли то падают градом,
То гуськом идут, то рядом,
И нелепо, как в пасхе изюмины,
Торчат на бумаге слова.
Не стихи, а черт знает что!
Да и поэзия нужна ль еще?
Ну и пусть колеса-турусы.
Но зачем из рамки так понимающе
Глаза спокойно грустны?
На меня и за мной глядят зачем,
Строго-внимательно,
Как внезапные звезды на синем плаще
Богоматери?

ПОЭТЕССА-ТЕРРОРИСТКА*

Елена Феррари, таинственная фигура «русского Берлина» в период его краткого и бурного расцвета, своим положением в литературной среде была обязана покровительству двух лиц – Максима Горького и Виктора Шкловского. Оба они, поверив в дарование молодой женщины, вводили ее в секреты литературного ремесла. Оба, будучи в ту пору в конфликте с советским режимом и оказавшись в Берлине почти одновременно, чувствовали себя гораздо органичнее в нарождавшейся советской литературе, чем в эмигрантском окружении. Оба ощущали свое пребывание вне России как временное, случайное и бессмысленное и с нетерпением ждали возможности вернуться на родину.

Переписка Горького с Феррари, частично опубликованная, – единственный доступный в настоящее время свод документов, детально раскрывающий динамику литературно-эстетических взглядов поэтессы. Судя по этой переписке, их личные отношения сразу приобрели доверительно-теплый характер. «Хорошее воспоминание у меня о вас. Очень милый человек вы, – да будет вам хорошо на земле!» – пишет Горький 16 апреля 1922 г., после пер-

* Первый вариант статьи напечатан в: *De la littérature russe. Mélanges offerts à Michel Aucouturier*. Publiés sous la direction de Catherine Depretto (Paris: Institut d'études Slaves, 2005), pp. 142–159.

вой личной встречи с Феррари¹. Его внимание к начинающей писательнице проявилось в заботе о формировании ее художественных вкусов. С тем же письмом от 16 апреля он отправил Феррари «Счастливый домик» и «Путем зерна» В. Ходасевича и «Двор чудес» И. Одоевцевой, по-видимому, полагая, что эти книги окажут благотворное действие на дебютантку. Как свидетельствует ее ответное письмо, советы Горького упали на благодатную почву:

Вчиталась в присланные вами книжки – и Ходасевич мне очень нравится. Напрасно взвела на него поклеп. Получила 2 первых № «Новой русской книги» – и не знаю, лучше ли оставаться в стороне вообще от пишущей публики или стоит подойти к ним поближе. Ремизов и Пильняк вводят меня в великое сомнение: странно как-то пишут и думают, наверное, тоже так – не по прямой улице, а всё норовят по переулкам да закоулкам, оттого-то и язык у них такой – и по-русски будто, а иной раз в тупик становишься. Отрывки Пильняка «Ростиславль» (в «Накануне») – то же самое. Я думаю все-таки, что лучше не только не усложнять формы, а, наоборот, упрощать ее до того, чтоб она совсем исчезла, а осталось бы одно содержимое. Впрочем, это зависит от внутренней структуры автора. Вот, напр<имер>, почитать В. Брюсова, – и как ясно рисуется его портрет, хоть его и не знать².

Колебания по поводу того, «оставаться в стороне вообще от пишущей публики или стоит подойти к ним поближе», были вполне объяснимы. В тот момент литературные занятия Феррари носили робкий, ученический, дилетантский характер, что несколько не препятствовало упрочению ее связей с литературными кругами русского Берлина. Очевидно, по рекомендации Горького с нею познакомился вскоре после своего выезда из советской России Ходасевич. Первая его запись о встречах с Феррари относится к 23 июля 1922 г., последняя – к 10 января 1923 г.³ За эти несколько месяцев, по мере того как осенью 1922 г., помимо Андрея Белого, Ходасевича и Кусикова, в Берлине оказывались Игорь Северянин и Маяковский, Есенин и Пастернак, эстетические взгляды молодой поэтессы подверглись заметным изменениям. Свежие впечатления заставили Феррари отступить от ее намерения «не усложнять формы». Новые черты, проявившиеся в ее стихах, вызвали у Горького настороженность и даже неприятие. 2 октября 1922 г. он писал ей:

Поверьте, что судьба начинающего писателя всегда – и всегда искренно – волнует меня.

Но – я за оригинальностью формы ваших стихов, порою, чувствую нечто неясное, плохо сделанное и – не знаю, так ли это?

И видя однообразие содержания их, тоже не знаю – так ли это? Может быть, именно в

однообразии их сила? Ахматова – однообразна, Блок – тоже, Ходасевич – разнообразен, но это для меня крайне крупная величина, поэт-классик и большой, строгий талант.

Меня смущает в стихах ваших «щегольство» ассонансами, нарочитая небрежность рифм и прочие приемы, в которых я чувствую искусственность и не вижу искренности.

Но – снова – так ли это?

Я – не знаю.

И вот мне хотелось бы, чтоб вы сами ответили себе на этот вопрос.⁴

Между тем наслаивавшиеся на уроки Горького консультации Шкловского еще больше усиливали в начинающей писательнице чувство неуверенности. Литературные интересы Феррари не ограничивались стихотворством, и, поощряемая Шкловским, она в своих прозаических опытах обратилась к жанру «сказки». Свои переживания, вызванные этими творческими исканиями, она поверяла Горькому:

С прозой у меня получилось тяжело. Я показывала мои вещи (новые) Шкловскому. Он сказал, что они неплохи, но еще совсем не написаны. Этот человек, несмотря на всё свое добродушие, умеет так разделить тебя и уничтожить, что потом несколько дней не смотришься в зеркало – боишься там увидеть пустое место. Я не знаю, как нужно писать. Как

видно, на одном инстинкте далеко не уедешь, и литературному мастерству надо учиться, как учатся всякому ремеслу. Весь мой душевный и умственный багаж здесь мне не поможет, а учиться я уже вряд ли успею. Я хотела в самой простейшей, голой форме передать некоторые вещи, разгрузиться что ли, хотя бы для того, чтоб не пропал напрасно материал, но, оказывается, и этому-то простейшему языку надо учиться. С другой стороны, я боюсь слишком полагаться на Шкловского, т<ак> к<ак> он, хоть и прав, но, должно быть, пересаливает, – как всякий узкопартийный человек, фанатик своего метода, – говоря, что сюжет сам по себе не существует и только форма может сделать вещь. Так или иначе, но я сильно оробела, и руки на прозу у меня пока еще не поднимаются.⁵

Но даже неудачи не могли удержать Феррари, вкусившую соблазны модернистских экспериментов, от смелых возражений ему:

Относительно неточных или небрежных рифм. Неужели вас бьют по слуху и пастернаковские: форма-тормоз, сиреневый-выменивать... и постоянные ассонансы Есенина? У меня это ни в коем случае не щегольство, а единственная возможная форма, так же, как и неточный ритм: паузы и затакты среди пол-

ных стоп – совершенное уподобление музыкальной фразе. Если мои рифмы звучат неискренно – значит, они плохо сделаны, но я глубоко убеждена в жизненности неточной рифмы и больших ее преимуществах перед точной: она дает новые оттенки сочетанию звуков, разнообразит его, всегда получается какое-то неожиданное закругление, изгиб. Вроде открытых окон: постоянно дует. И для чтения стихов – интересная форма – то сжимает, то растягивает голос. Если действительно так писать – ошибка, – не знаю, смогу ли дальше писать стихи. Теперь же пишу много, они меня захлестывают, не дают ни о чем другом думать и даже снятся. Несомненно, моя потенциальная сила много больше уменья и потому мне трудно ее организовать <...>

Стихи мои не напечатаны, и надежды мало, но, может быть, это к лучшему. Работаю над ними с мучительной радостью, и кроме них у меня ничего нет и не надо. Отвлекает только халтурная работа и мысль о том, что надо вернуться в Россию. Чувствую себя скверно, следовало бы скорей уехать, но жаль прерывать писать.⁶

В те дни в Берлине мечтой о возвращении на родину жили многие, но замечательно, что начинающая поэтесса была готова едва ли не отсрочить поездку, лишь бы не прерывать творческий подъем,

вызванный усилиями по овладению литературным мастерством. В продолжавшемся полемическом диалоге Горький не терял надежды вернуть Феррари с пути Пастернака в лоно классической поэтики:

Трудно мне согласиться с вами, Елена Константиновна!

Я – поклонник стиха классического, стиха, который не поддается искажающим влияниям эпохи, капризам литературных настроений, деспотизму «моды» и «законам» декаданса. Ходасевич для меня неизмеримо выше Пастернака, и я уверен, что талант последнего, в конце концов, поставит его на трудный путь Ходасевича – путь Пушкина.⁷

Пытаясь в ответ убедить писателя-традиционалиста в исторической обусловленности и правомерности открытий, совершённых модернистскими течениями, Феррари в то же время давала понять, что ее солидарность с ними не безусловна и горьковско-ходасевичская позиция по-прежнему представляется ей более близкой:

Уважаемый Алексей Максимович, я получила ваше письмо. Оно подкормило червяка, который давно меня грызет. Я знаю, что роль левого искусства вообще – неблагодарная роль чернорабочего. Если – или когда – Пастернак будет писать классическим стихом, то

это будет совершенно блестяще. Пикассо, создавший шедевры футуризма, возвратился к реалистической форме – но какая тонкость в понимании материала и в обращении с ним, какая оригинальность неожиданной конструкции тел – чего нет у художников, не прошедших чистилища футуризма. Я очень верю вам – у вас в подходе к искусству исторический масштаб, но посмотрите – Репин, мастер и мэтр, на старости лет увлекается футуризмом, так велика потребность обновления формального, кроме остального. Неужели вы думаете, что Хлебников был напрасно и что Ходасевич мог расцвести и не на почве современности? У меня здесь, как говорят хохлы, ум за разум заходит. Я говорила много с художниками-футуристами, – у меня создалось такое впечатление, как будто все не то заблудились, не то стоят в тупике. Убеждены в своей правоте, но не вообще, а в данный момент и для себя. <...>

Если я стою на ложном пути, – тем хуже, – и это не имеет собственной ценности, то во всяком случае это не напрасно. Ходасевич как-то сказал мне по этому поводу, что победителей не судят. Победа будет, должно быть, за ним, а футуристам дадут в истории литературы служебную роль – злодея в ложноклассической комедии или вроде большевиков, которые пришли, сделали свое и уйдут. Рабо-

та их останется преемникам, и те ее перекроют и отшлифуют.⁸

Отвергая упреки Горького, Феррари утверждала, что ее литературная работа не является внешней данью моде, а, напротив, движима самыми серьезными побуждениями:

Вы говорите, что я не ищущая себя. Я ведь тоже иду исключительно по инстинкту, но иду осторожно и боюсь крайностей, т<ак> к<ак> они всегда вредят художественности. Шкловский говорил, что я левее прямо на глазах. Не знаю, нужно ли и удачно ли, думаю, что, скорее, да, чем нет, но искренно – определенно да.⁹

Сближение Шкловского с «левеющей на глазах» Феррари удостоверяется рекомендательным письмом к Илье Зданевичу, которым он снабдил ее накануне поездки во Францию и в котором просил: «Будьте честным всёком и покажите ей всё в Париже»¹⁰. После того, как в середине ноября 1922 г. в берлинском Доме Искусств произошел раскол¹¹ и Шкловский был выбран на пост товарища председателя в новом президиуме, Феррари стала одной из самых частых посетительниц и участниц тамошних собраний. Ее имя замелькало в хронике литературной жизни в русской прессе. Необычность этого бросалась в глаза потому, что до приезда в Германию и

встречи с Горьким она решительно не могла похвалиться никакими заслугами на ниве словесности¹². Впервые публично свои стихи Феррари прочла на вечере в Доме Искусств в канун Нового 1923 года¹³. Пересылая вскоре ее новейшие произведения Горькому, Шкловский с одобрением восклицал:

Кажется, она пишет теперь лучше, чем раньше.

Посмотрите их.¹⁴

Не меньшим стимулом к повороту в сторону «левого» искусства было тесное общение Феррари с художником Иваном Пуни¹⁵, жившим по соседству с ней. В напечатанном весной 1923 г. фрагменте из книги Шкловского *Zoo* говорилось:

На Kleiststrasse, против дома, где живет Иван Пуни, стоит дом, где живет Елена Феррари.¹⁶

У нее лицо фарфоровое, а ресницы большие и оттягивают веки.

Она может ими хлопать, как дверцами нестораемых шкафов.

Между этими двумя знаменитыми домами вылетает унтерgrund из-под земли и с воем лезет на помост.¹⁷

Нетрудно себе представить, как должен был заинтриговать такой пассаж о «двух знаменитых до-

мах» читателей *Беседы* – горьковского журнала, в следующем, втором выпуске которого намечалась публикация уже самой Феррари. В этот период Пуни был одной из центральных фигур берлинской культурной жизни. Он сблизился с художественным объединением Герварта Вальдена *Der Sturm*, выступал с критическими статьями¹⁸ и с полными боевого духа лекциями о новейших течениях в русской и западноевропейской живописи. Доклады эти были собраны в его книге *Современная живопись*, изданной в Берлине в мае 1923 г.¹⁹

Практически в это же время вышла в свет и тоненькая стихотворная книжка Феррари *Эрифилли*²⁰. Книга явилась, по-видимому, *первым* ее выступлением в печати. Ни в периодике, ни в альманахах русского Берлина публикации ее сочинений не разысканы, ее участие в литературной жизни ограничивается исключительно вечерами Дома Искусств. Именно здесь 4 мая 1923 г. она прочла свои «сказки». Эти вещи, в отличие от ее стихотворений, Горькому нравились: он вызвался выпустить их отдельной книжкой²¹ и облюбовал несколько «сказок» для *Беседы*.

На вечере 4 мая Феррари выступала в паре с итальянским поэтом Руджеро Вазари, представителем «второго» – молодого – поколения футуристов, прочитавшим собственные стихи и «Свободные слова» Ф. Т. Маринетти²². Не следует думать, что такое сочетание было механическим. Неожиданный альянс, обусловленный, в первую очередь, превосходным

знанием Феррари итальянского языка, свидетельствовал о неослабевающем тяготении молодой поэтессы к футуризму. Познакомилась она со своим итальянским партнером, несомненно, через Пуни. Поселившись в 1922 г. в Берлине, 24-летний Вазари приступил к изданию журнала *Der Futurismus*²³ и открыл галерею, в которой были выставлены работы Пикассо, Брака и немецких экспрессионистов²⁴. В 1922–1926 гг. в журнале *Der Sturm* были опубликованы (частью в оригинале, а частью в немецком переводе) некоторые его сочинения²⁵.

К тому времени круг литературных знакомств поэтессы настолько тесно сросся с кругами художественно-артистическими, что она упоминается вместе с Б. Зайцевым, А. Ремизовым, С. Рафаловичем, В. Шкловским, П. Муратовым, И. Эренбургом в числе лиц, привлеченных к участию в однодневной газете, предполагавшейся к изданию в конце мая 1923 г. по случаю бала в честь основания союза русских художников в Берлине²⁶. При этом книгу стихов Феррари русская берлинская пресса обошла почти полным молчанием²⁷. Единственный известный нам берлинский отклик на *Эрифилли* был помещен в эсеровской газете *Дни* и, возможно, появился благодаря партийным знакомствам Шкловского. Рецензент подчеркнул родство поэтики автора с левыми литературными течениями:

Маленькая, со вкусом изданная, книжечка стихов Елены Феррари заключает в себе

всего каких-нибудь двадцать стихотворений, по большей части коротеньких, сжатых и пластичных. Ничего лишнего, скорее много недосказанного. Это является большим достоинством для начинающей поэтессы. Умение выбрать должные краски и слова, несомненно, свидетельствует о художественном чутье и такте. Несколько неприятное впечатление производит злоупотребление переборами и ассонансами, иногда и полное пренебрежение рифмой. Вообще, Феррари – поэтесса новейшей школы; достоинства ее, равно как и недостатки, характерны для того литературного направления, к которому она примкнула.

Интересны, по своей образности, стихи, посвященные Ивану Пуни: «Кафэ», а также стих.: «Пахнет зноем и морем» и др. Краски их сочны и удачны. Заметно и некоторое влияние Анны Ахматовой и Наталии Крандиевской в манере писать и еще в глубокой, чарующей женственности. Есть у Феррари что-то свое, заветное, недосказанное – не то дума, не то печаль: то, что лишь промелькнет, обворожит своим тихим теплом и светом и снова скроется за пестрыми росписными ширмами современности. Примером таких стихов может служить «Молитва», а также и стихотворение, начинающееся строками:

Захлопнутым мышонком сердце билось.
Не смей жалеть меня, не смей ласкать,
Луна неловко и несмело торопилась
Свое лицо укрыть за облака.

Несмотря на свою скромность, книжечка Елены Ферари дает надежду, что в будущем дарование поэтессы разовьется и станет самобытнее.²⁸

В *Эрифилли* вошли не все лирические произведения автора. В частности, Феррари воздержалась от включения в него стихотворений, посланных Горькому зимой 1923 г., в которых своеобразно преломились ее впечатления от константинопольского периода. По этому поводу она писала ему в письме от 8 января:

У меня уже давно был соблазн вводить слова на другом языке, *не переводя их*, как я, наконец, сделала здесь («лимонли, каймакли дондурма» – по-турецки – «лимонное, сливочное мороженое», «елла» – по-гречески «иди сюда», а «гель бурья» – то же самое по-турецки <...>). Вообще же при стихах этого объяснения не будет. Очень хотелось бы знать, как вы это найдете?»²⁹.

В изданном сборнике единственным свидетельством ее увлечения такой языковой экзотикой было название – *Эрифилли*, взятое из первого стихотворе-

ния. Будучи вполне обычным женским именем в современном греческом языке, у русского читателя оно должно было вызывать ощущение заушной словесной игры.

К погоне поэтессы за броскими экзотизмами Горький отнесся резко отрицательно, в письме от 11 января приравняв их к глоссолоалии хлыстов:

Сударыня! У вас есть ум – острый, вы обладаете гибким воображением, вы имеете хороший запас впечатлений бытия и, наконец, у вас налицо литературное дарование. Но при всем этом, мне кажется, что литература для вас – не главное, не то, чем живет душа ваша и, вероятно, именно поэтому вы обо всем пишете в тоне гениального Кусикова, хотя вам, конечно, известно, что каждая тема требует своей формы и что истинная красота, так же, как истинная мудрость – просты.

Надеюсь, что я смертельно поразил вас, и больше не стану отливать жестоких пуль для убийства женщины, которая может – а потому должна – найти свою форму для своего содержания. Пока же она всл еще говорит чужими словами и строит их по чужим планам. Турецкий, греческий и другие лексиконы в данном случае не могут помочь.

Ищите себя – вот завет Сааровского старца, который любит литературу и относится к вам серьезно и сердечно.

Можете ругаться и спорить, но я остаюсь при своем: вам надо выработать иную, очень *свою* форму, в этой же вы себя искажаете и можете погубить.

Вы мало работаете. Поэзия для вас – не главное.³⁰

Между тем накануне самого выхода *Эрифилли* в их отношениях возникла странная напряженность, причина которой неизвестна, так как горьковское письмо, содержавшее разъяснения по этому поводу, было, по-видимому, утрачено. По ответному письму Феррари от 22 апреля 1923 г. можно, однако, утверждать, что толчком к недоразумению послужили не литературно-стилистические разногласия, а какие-то биографические обстоятельства. Приведем это письмо целиком:

Дорогой Алексей Максимович,
Ваше письмо меня очень обрадовало.

Хотя с Максимом Алексеевичем <Пешковым> я говорила *только о нем* (и только потому, что он сам меня на это вызвал), но думала действительно и о вас, т<ак> к<ак> люди говорили, что слышали обо мне «в доме Горького». Я очень рада, что это неверно о вас, и тысячу раз прошу прощенья, что думала так. Не сердитесь, ради бога, – в этом не только моя вина, и мне пришлось слишком дорого расплатиться за все версии обо мне.

Вы пишете, что моей биографии для вас не существует. Мне от нее отречься не нужно. Я бы гордилась моей биографией, если бы допускала, что для меня был возможен и другой путь. Но это зависело не от меня, так, как мой рост или цвет волос. Во всяком случае я твердо знаю, что никто на моем месте не сделал бы ничего лучше и больше моего и не работал для России в революцию с бóльшим бескорыстием и любовью к ней. И мне очень больно, если вам, чтобы хорошо относиться ко мне, нужно вычеркнуть мою биографию.

Я не знаю, о какой моей пьесе В. Ходасевич говорил вам. Он не читал моих пьес. Я думаю, что он спутал – это, должно быть, поэма (и не белым, а простым стихом), что я ему читала зимой. Пришлю ее вам на днях, т<ак> к<ак> у меня ее нет сейчас. Пока же посылаю очерк «Литейная» (это будет главой повести) и две сказки. Как вы находите «Эльку»? Мне кажется, это лучше всего, что я написала, хотя всё еще не так, как надо. И вообще, я пишу не так, сама чувствую неверный тон. Я не владею ни языком, ни материалом и, кроме того, не уверена, что писать надо. Вы вот думаете, что у меня нет любви к моему ремеслу. Я не знаю. Радости от него во всяком случае мало. Но на эту безрадостность, а иногда и отчаяние, я ничего не променяю. Литература у меня не главное, а единственное, и если

я ее не «люблю», то обрекаюсь ей абсолютно.

Как ваше здоровье? Желаю вам скорее поправиться – и не сердитесь, ради бога, на меня.

Елена Феррари.³¹

Возникает ряд недоуменных вопросов. Какую оплошность по отношению к Феррари совершил сын Горького Максим Пешков и почему такую досаду у нее могло вызвать – пусть и оказавшееся ложным – допущение, что к оплошности мог быть причастен сам Горький? Что в ее биографии должно было дать повод к подобного рода недоразумениям? Феррари с гордостью заявляет, что «никто на моем месте не сделал бы ничего лучше и больше моего и не работал для России в революцию с бóльшим бескорыстием и любовью к ней», – в то время, как годом раньше тому же Горькому она жаловалась, что возвращение в Россию для нее невозможно из-за каких-то ошибок по отношению к большевистской власти, совершенных в пору гражданской войны³². О какой «слишком дорогой цене» за все неверные версии о себе говорит Феррари и какое отношение эти роковые обстоятельства имеют к ее литературным занятиям? Почему вообще с таким жаром говорит она о своей литературной работе, отвергая горьковское утверждение, сделанное зимой, будто литература для нее – «не главное»? Чтобы понять, что именно стоит за данным эпизодом, приходит-

ся обратиться к далеким от литературных дел источникам.

Ключ к истолкованию недоразумения, возникшего между Горьким и Феррари, мы находим в показаниях Н. Н. Чебышева – судебного деятеля дореволюционной эпохи и ближайшего помощника генерала П. Н. Врангеля во время гражданской войны и в эмиграции. В октябре 1931 г. Чебышев поместил в парижской газете *Возрождение* статью, посвященную 10-летию потопления яхты «Лукулл» под Константинополем³³. Событие это произошло при обстоятельствах, сочтенных современниками в высшей степени подозрительными: яхта, стоявшая у самого берега и служившая штаб-квартирой генерала Врангеля³⁴, была протаранена на полном ходу итальянским океанским пароходом «Адриа», шедшим из Батума³⁵. Сам верховный главнокомандующий спасся лишь потому, что за час до того сошел на берег. При этом весь архив и все крупные ценности и наличные денежные средства армии, находившиеся на яхте, погибли.

Спустя несколько месяцев после публикации в *Возрождении* очерка о «Лукулле» Чебышев снова вернулся к этому эпизоду в своих автобиографических записках. В фельетоне, напечатанном в день открытия процесса над П. Горгуловым, убийцей президента Франции Поля Думера, мемуарист в совершенно неожиданном контексте упомянул и Феррари:

Кстати, о гибели «Лукулла», протараненного 15 октября 1921 г. на Босфоре итальянс-

ким пароходом «Адриа» в таком месте, где «Адрии» не полагалось совсем проходить. Имелись основания предполагать, что это сделано умышленно и на пользу большевиков. Только они одни были заинтересованы в несчастьи с Врангелем, который в момент потопления яхты, благодаря лишь счастливой случайности, на ней не оказался.

Но всё исчерпывалось по вопросу о прикосновенности большевиков к потоплению «Лукулла» этими предположениями до последнего времени.

Над такими делами, однако, встает фатум, вдруг, откуда ни возьмись, пронесутся Ивиковы журавли, небесные обличители.

И вот, уже здесь, в Париже, когда по случаю десятилетия крушения упомянули яхту главнокомандующего, шалость рока, точно набежавшая волна, прибила что-то, обломок чужого воспоминанья, улику против «советчиков».

Один мой собрат по перу, человек очень известный, серьезный, не бросающий на ветер слов, умеющий и говорить, и внимательно слушать, – назовем его Ф., – прочитал мой очерк «Гибель “Лукулла”» и поспешил меня осведомить. Вот вкратце то, что он рассказал:

Ф. в 1922 г. жил в Берлине. В литературных кружках Берлина он встречался с дамой Еленой Феррари, 22–23 лет, поэтессой. Фер-

рари еще носила фамилию Голубевой. Маленькая брюнетка, не то еврейского, не то итальянского типа, правильные черты, хорошенькая. Всегда одета была в черное.

Портрет этот подходил бы ко многим женщинам, хорошеньким брюнеткам. Но у Елены Феррари была одна характерная примета: *у ней недоставало одного пальца*. Все пальцы сверкали великолепным маникюром. Только их было – *девять*.

С ноября 1922 года Ф. жил в Саарове под Берлином. Там же в санатории отдыхал Максим Горький, находившийся о ту пору в полном отчуждении от большевиков.

Однажды Горький сказал Ф-у про Елену Феррари:

– Вы с ней поосторожнее. Она на большевичков работает. Служила у них в контрразведке. Темная птица. Она в Константинополе *протаранила белогвардейскую яхту*.

Ф., стоявший тогда вдалеке от белых фронтов, ничего не знал и не слышал про катастрофу «Лукулла». Только прочитав мой фельетон, он невольно и вполне естественно связал это происшествие с тем, что слышал в Саарове от Горького.

По словам Ф-а, Елена Феррари, видимо, варившаяся на самой глубине котла гражданской борьбы, поздней осенью 1923 года, когда готовившееся под сенью инфляционных

тревог коммунистическое выступление в Берлине сорвалось, уехала обратно в советскую Россию, с заездом предварительно в Италию <...>

Слова Горького я счел долгом закрепить здесь для истории, куда отошел и Врангель, и данный ему большевиками под итальянским флагом морской бой, которым, как оказывается, управляла советская футуристка с девятью пальцами!³⁶

Воспроизводя свой мемуарный очерк в книжном издании, вышедшем в самом конце 1932 г., Чебышев заменил криптоним Ф. внешне более загадочным, а на деле более прозрачным – Х.³⁷ Речь здесь явно идет о Владиславе Ходасевиче, товарище Чебышева по редакции *Возрождения*, бывшем в свой берлинский период в числе самых близких Горькому лиц. По записи Ходасевича можно точно определить дату, когда именно произошел их с Чебышевым разговор о полученном от Горького предостережении в отношении Феррари: «2 марта 1932: В баре (Чебышев, о Феррари). В Возр<ождение>»³⁸.

Свидетельство Ходасевича позволяет расшифровать ряд странных деталей в отношениях Феррари и Горького. Ее письмо к Горькому от 22 апреля становится яснее, если предположить, что оно является откликом на слух о причастности Феррари к «работе на большевичков», имеющий происхождением дом Горького – скорее всего М. Пешкова, у которо-

го были тесные связи с высшим руководством ГПУ. Этот слух, всплывший как раз накануне выхода *Эрифилли*³⁹, не мог не нанести вреда столь быстро налаживавшейся новой, литературной биографии Феррари, а вдобавок ставил самого Горького в щекотливое положение. Непоявление, вопреки первоначальным планам, «сказок» Феррари во втором номере *Беседы* – как и то, что их издание отдельной книжкой не состоялось, – могло быть прямым следствием этого слуха, заставившего, по-видимому, Ходасевича возражать против включения кандидатуры со столь сомнительной политической репутацией в число возможных авторов горьковского журнала. Затруднительность положения Горького в те дни 1923 г. заключалась и в том, что он нисколько не сочувствовал намеченной жертве не совсем удавшегося террористического акта – генералу Врангелю, и вряд ли осудил бы героические побуждения, приведшие Феррари в контрразведку.

В советской печати ее биография была впервые освещена в сжатой преамбуле к публикации корреспонденции с Горьким в *Литературном Наследстве*.

Переписка Горького с Еленой Константиновной *Феррари* (псевдоним Ольги Федоровны *Голубевой*, 1899–1939) относится к 1922–1923 гг.

В годы гражданской войны Е. К. Феррари работала в большевистском подполье оккупированной немцами Украины и пропагандис-

том в частях армии. За участие в гражданской войне была награждена орденом Красного Знамени. С Горьким познакомилась в 1922 г. В 1923 г. в берлинском издательстве «Огоньки» вышла книга ее стихов «Эрифилли».

В начале тридцатых годов Феррари сотрудничает в журналах «Красная новь», «Новый зритель», «Пионер» и др.

Ниже публикуются девять писем Горького и десять писем Феррари.⁴⁰

Справка эта призвана была скорее замести следы, чем раскрыть истину. В ней не только не было ни малейшего намека на участие Голубевой в диверсионной деятельности, но и вообще о ее работе говорилось в таких туманных формулировках, что приходилось полагать, будто она была занята в основном пропагандистской деятельностью в частях (едва ли не Красной) армии. Однако самым странным в этой публикации был собственно факт включения переписки в том, посвященный «Горькому и советским писателям». Вправе ли мы говорить о Феррари как о профессиональном, настоящем писателе? И даже если ее можно, со всеми оговорками, отнести к литераторам русского Берлина или (как это сделано в антологии 1996 г.) к явлению «Серебряного века», то решение считать ее творчество фактом *советской* литературы – наряду, скажем, с Афиногеновым, Бабелем, Леоновым, Пастернаком, Алексеем Толстым и Фединым, представлен-

ными в этом томе, – не имело никаких веских оснований.

Больше полезной информации можно извлечь из новейших публикаций по истории советской контрразведки. Приведем недавно обнародованную справку ведомственного происхождения:

Феррари Елена Константиновна (Голубовская Ольга Федоровна) (1889–1938). Сотрудница советской военной разведки. Капитан. Родилась в Екатеринославе. Русская, из служащих. С 1913 года активная участница профсоюзного, а затем революционного движения. В период Октябрьской революции на агитационно-пропагандистской работе в армии. С 1918 по 1920 год – сестра милосердия, рядовой боец, разведчица в тылу деникинских войск. По заданию советской разведки ушла вместе с частями Белой армии в Турцию. Вела работу по разложению войск Антанты. В 1922–1925 годах работала во Франции, Германии, Италии. В январе 1926 года, состоя в резерве Разведуправления Штаба РККА, назначена сотрудником-литератором третьей части третьего отдела Разведуправления, а в июле того же года уволена со службы из РККА. С 1926 по 1930 год находилась вне разведки. С начала 30-х годов – на нелегальной работе во Франции, помощник резидента. Постановлением ЦИК СССР от 21 февраля

1933 года награждена орденом Красного Знамени «за исключительные подвиги, личное героизм и мужество». В июне 1933 года, состоя в распоряжении Четвертого управления Штаба РККА, выдержала письменные и устные испытания по французскому языку, ей присвоено звание «военный переводчик I разряда» с правом на дополнительное вознаграждение. С августа 1935 по февраль 1936 года – помощник начальника отделения первого (западного) отдела Разведуправления РККА. В сентябре 1935 года – помощник начальника отделения Разведуправления РККА, выдержала испытания по итальянскому языку. В феврале 1936 года назначена состоящей в распоряжении Разведуправления РККА. Арестована в декабре 1937 года по ложному обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. Расстреляна в июне 1938 года. Реабилитирована посмертно 23 марта 1957 года.⁴¹

Некоторые сведения, предложенные в данной справке, не могут не вызвать изумления. Во-первых, подлинная фамилия Феррари дается в ином виде (Голубовская), чем в ранее появлявшихся источниках (Голубева), в том числе у Чебышева. Такое расхождение представляется скорее проявлением тенденции сознательного запутывания, чем случайной канцелярской опiskeй⁴². Еще существеннее разли-

чие в датах рождения поэтессы: не 1899, как указывалось почти во всех справках⁴³, а на десять лет раньше. Выясняется также, что путешествие во Францию в ноябре 1922 г., по поводу которого Шкловский писал Зданевичу, прося его стать для Феррари чичероне, было обусловлено заданиями, полученными поэтессой по линии секретной службы в связи с крупными переменами в советской разведывательной сети в Западной Европе. После провала «нелегала Региструпра и ВЧК»⁴⁴ Якова Рудника вместо него резидентом во Францию был послан С. П. Урицкий, причем «его помощниками стали Мария Вячеславовна Скаковская (до 1924 г.) и Ольга Федоровна Голубовская (до 1923 г.). Кроме того, учитывая важность работы во Франции и сложность положения, в которой оказались военные разведчики после провала, парижскую резидентуру решено было перевести на прямую связь с Центром без посредничества Берлина и Рима. Вся эта работа заняла два года»⁴⁵. По-видимому, и разрешение, полученное Феррари на возвращение в Москву (или, как она сообщала Горькому весной 1923 г., ожидание визы), было напрямую связано с этими пертурбациями.

Существенной выглядит и еще одна деталь, содержащаяся в одном современном справочнике: родным братом Феррари был видный советский разведчик Владимир Федорович (Михаил Яковлевич) Воля (Воль), род. в 1898 в Кременчуге, арестованный в мае 1939 г. и расстрелянный 29 мая 1939 г. Согласно этой справке, Воля был по национально-

сти евреем, находился в Красной армии с 1918 г. и вступил в партию в 1919 г. Он владел французским и турецким языками, «формировал подрывные команды для операций в тылу противника, выполнял отдельные боевые задания в тылу врангелевских войск на Черном море, где им была захвачена неприятельская шхуна с грузом и пленными»⁴⁶. В августе 1930 – феврале 1931 г., по словам того же источника, он был «в командировке по особому заданию»⁴⁷. Таким образом, подвиги на Черном море могли быть общим семейным делом брата и сестры.

Отчеты о блестящей разведывательной карьере Феррари затушевывают ее пылкое, непреодолимое влечение к литературе. Исчезновение из Берлина и появление в Москве не положили конец ее литературным интересам и амбициям. В середине декабря 1923 г. секретарь редакции журнала *Печать и революция* Я. З. Черняк встретил ее в среде бывших «центрифугистов»: «Еще в декабре познакомился с Е. Лундбергом – С. Бобров, Б. Пастернак, К. Локс, какая-то поэтесса Феррари, врач, фамилии которого я не помню, – вот компания, которая собралась в Баховском биохимическом институте у химика Збарского вечером 19 декабря. Я был приглашен Б. Пастернаком с Сер. Павл. <Бобровым>»⁴⁸. Направленная в советское полпредство в Риме, осенью 1924 г. Феррари снова списывается с Горьким, с весны поселившимся в Сорренто, и просит о встрече, посулив свежие новости и сообщив о том, что у Шкловского родился сын Максим⁴⁹. Пятнадцать месяцев, прове-

денных в Италии, обозначили собой новый поворот в ее литературной биографии. Она подружилась с Виничио Паладини, художником-футуристом, уроженцем Москвы (мать его была русской), горячим адептом русского большевизма и советского художественного авангарда. При его участии (ему принадлежала обложка и иллюстрации) Феррари выпустила на итальянском языке стихотворный сборник *Prinkipo*, содержащий ее константинопольские вариации, переданные Горькому на суд зимой 1923 г. Стихи вышли в совместном переводе поэтессы и Умберто Барбаро, друга Паладини⁵⁰. Вместе с ними двумя Феррари вошла также в группу «имажинистов», дебютировавшую в феврале 1927 г. журналом *La ruota dentata*⁵¹. Свою римскую книжку Феррари послала Горькому уже по возвращении в Москву приложением к письму от 3 июня 1926 г., в котором гордо сообщала, что, проведя 15 месяцев в Италии, овладела итальянским языком настолько, что начала писать на нем – не переводя с русского – «международно-авантюрный, с большой личной интригой» роман под названием «Партия Мак-Маккона»:

Стержнем романа является такой трюк; героиня знает, что это только роман, остальные же персонажи живут всерьез. Когда переведу его на русский язык, постараюсь прислать Вам.

Я хочу вложить туда всё, что знаю и видела, там есть вводные места совсем на другие

темы и должно быть очень человеческой вещью.

Как видно из послужного списка Феррари, по возвращении в Москву она с января по июнь 1926 г. состояла «сотрудником-литератором третьего отдела третьей части» Разведывательного управления штаба Красной армии⁵². В чем именно заключались ее обязанности и как они соотносились с ее прежней деятельностью в Риме – неизвестно, как не указано и то, чем она занималась, когда была в середине 1926 г. уволена из армии⁵³. Однако в 1930 г. она была вновь мобилизована на нелегальную работу за границей. Фельетон Чебышева, разоблачавший – со ссылкой на Горького (и Ходасевича) – ее причастность к покушению на Врангеля, появился именно тогда, когда она состояла помощником резидента во Франции и была опознана. Можно думать, что появление этого очерка должно было сильно смутить Горького – ведь именно в 1931–33 гг. писатель, еще живя в Сорренто, выступил с публичной поддержкой карательных действий ГПУ. Непонятно, что послужило поводом отзыва Феррари из Франции в 1933 г. – статья Чебышева или серия провалов советской шпионской сети в Европе⁵⁴. Но несомненно, что резкое продвижение ее по службе в 1935 г. было связано с назначением Урицкого главой Разведупра, равно как и арест Феррари 1 декабря 1937 г. был прямым следствием его ареста и разгрома всего аппарата военной разведки.

Отвечая 24 апреля 1923 г. на ее письмо, где задетая появлением темных слухов поэтесса с гордостью отводила упреки к своей биографии поры гражданской войны, Горький заявлял:

О биографии. Вы меня неправильно поняли, но, впрочем, я сам виноват здесь, если не приписал к словам: «Для меня ваша биография не существует» – так, как вы ее рассказываете, ибо у меня есть личное впечатление. Биография только одна из деталей его. Человек говорит о себе всегда неверно, и самое важное в том, что он говорит, – это: почему именно он говорит неверно?

Одни – потому, что желают ярче раскрасить себя, другие – потому, что ищут жалости, есть и еще множество причин невольной лжи человека о себе самом. Но есть люди, которые, говоря о себе, ничего не ищут, кроме себя. К таким людям я и отношу вас. В этом – нет комплимента, нет и обиды, это просто – мое впечатление, вызванное вами. Понятно?⁵⁵

Даже после устранения тех табу, которые держались десятилетиями, в истории Елены Феррари, словно метеорит проскользнувшей в литературной жизни русского Берлина, остаются томящие «белые пятна» и несогласованности. Да и поэтические ее тексты усиливают ощущение загадочной недоска-

занности и двусмысленности, корень которых можно искать и в литературной неумелости автора, и в сознательной зашифрованности ее высказывания. На страницах *Эрифилли* попадаются отсылки к гражданской войне, но трудно установить, о каких именно эпизодах ее биографии идет речь и на чьей же, собственно, стороне воевал автор. Цитата из «Интернационала» может быть равно расценена и как локальная деталь исторического момента, и как интимное признание политического характера. Непонятно, каково было значение посвящения стихотворения «Море – битва, мачта – знамя» (с. 13) «памяти моторов “Дозор” и “Евгений”»⁵⁶ и какому – белому или красному – флоту принадлежали эти судна, если только Феррари не прибегла здесь к сознательной мистификации. Да и само название книги заставляет теряться в догадках: обыгрывается ли в нем этимология имени («горячо любящая»), или это мифологическая аллюзия на жену Амфиарая, отправившую своего мужа на верную гибель.

Буквально в те же дни, когда книжка поступила в продажу, в Берлине узнали, что Феррари собирается в Москву, хотя непонятно, какое именно объяснение поездке она предлагала разным своим знакомым. Как бы то ни было, появление книги не только обеспечивало видимость абсолютной преданности Феррари своему литературному дару, но и придавало ее репатриации пикантный литературный оттенок: из-за налета «декадентства» на многих стихах автора в Москве сборник должен был бы выгля-

деть столь же двусмысленно, как и в Берлине. В любом случае, трудно сказать, были ли литературные занятия поэтессы вызваны ответственными поручениями, возложенными на Феррари советской разведкой, или же являлись отдушиной, эмоциональным и нравственным отдохновением от ее основного, полного смертельного риска дела.

Л. С. Флейшман

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Литературное Наследство. Том 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка* (М.: Издательство Академии наук СССР, 1963), с. 565.
- ² *Там же*, с. 566.
- ³ Владислав Ходасевич. *Камер-фурьерский журнал* (М.: Эллис Лак 2000, 2002), с. 26, 36.
- ⁴ *Литературное Наследство. Том 70*, с. 566.
- ⁵ Письмо Феррари Горькому от 6 октября 1922. *Литературное Наследство. Том 70*, с. 567.
- ⁶ *Там же*, с. 567.
- ⁷ *Там же*, с. 568.
- ⁸ Письмо Феррари к Горькому от 14 октября 1922 г. *Литературное Наследство. Том 70*, с. 568.
- ⁹ *Там же*, с. 570.
- ¹⁰ Письмо от 7–8 ноября 1922. См.: Режис Гейро, «Три письма Виктора Шкловского Илье Зданевичу».

- чу», *Русская Мысль*, 1987, 25 декабря, *Литературное приложение* № 5, с. VIII.
- ¹¹ «Хроника и разные заметки. Русская литературная и научная жизнь за рубежом. Берлин», *Новая Русская Книга*, 1922, №11–12, с. 27; Amory Burckhard. *Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941. Institutionen des literarischen Lebens im Exil* (München: Verlag Otto Sagner, 2001) (*Arbeiten und Texte zur Slavistik*. 69), S. 77.
- ¹² Феррари запечатлена на групповой фотографии, снятой в Берлине в 1922 г., где она видна ласково положившей руку на голову Шкловскому. Опубл.: *Berlin – Moskau. Berlin – Москва. 1900–1950* (Мюнхен – Нью-Йорк: Престель; Москва: Галарт, 1996), с. 182.
- ¹³ «Русская научная и литературная жизнь за рубежом. Берлин», *Новая Русская Книга*, 1923, № 1, с. 36; «В Доме Искусств», *Накануне*, 1922, 30 декабря (суббота), с. 4. Вместе с Феррари в вечере участвовал также сменовеховец С. С. Чахотин.
- ¹⁴ В. Б. Шкловский. «Письма М. Горькому (1917–1923 гг.)». Примечания и подготовка текста А. Ю. Галушкина. *De Visu*, 1993, № 1, с. 38.
- ¹⁵ О дружбе Шкловского и Пуни в Петрограде в первые послереволюционные годы см.: Jean-Claude Marcadé, “Pougny et l’avant-garde de Saint-Pétersbourg (1913–1919)”, in: *Jean Pougny* (Paris: Musée d’Art Moderne de la Ville de Paris, 1993), p. 15.
- ¹⁶ До октября 1922 г. на той же улице неподалеку – по адресу Kleiststrasse 11 – проживал и сам Шклов-

ский. См. его письмо к Горькому, *De Visu*, 1993, № 1, с. 36–37. Ср. письмо Феррари к В. Шкловскому от 7 октября 1922 г., опубликованное в работе: Р. М. Янгиров, «К биографии В. Б. Шкловского», *Тыняновский сборник*. Вып. 11. *Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы* (М.: ОГИ, 2002), с. 530.

- ¹⁷ Виктор Шкловский, «Четыре письма из книги *Зоо* или Письма не о любви», *Беседа*, кн. 1 (Берлин, 1923), с. 146. См. также: В. Шкловский, «*Зоо*, или Письма не о любви», в его кн.: *Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записки. Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г.* (М.: Советский писатель, 1964), с. 172.
- ¹⁸ В частности, в февральском номере журнала *Новая Русская Книга* за 1922 г. (с. 10–12) помещена его статья о книге Ильи Эренбурга *А все-таки она вертится*.
- ¹⁹ Предполагалось и издание ее на немецком и на итальянском языках. См.: *Дни*, 29 мая 1923, с. 5.
- ²⁰ Елена Феррари. *Эрифилли*. Берлин: Огоньки, 1923. Ср.: «Книги, поступившие в редакцию для отзыва с 28 апреля до 4 мая», *Дни*, 6 мая 1923, с. 12; «Книги, поступившие в редакцию для отзыва», *Накануне*, 1923, 15 мая, с. 5; *Новая Русская Книга*, 1923, № 5/6, с. 56, 61. В книге два стихотворения – «Полночь» и «Кафе» – имеют посвящение Ивану Пуни (во втором оно скрыто за инициалами «И.П.»), а одно – «На углу» – его жене Ксении Богуславской. В воспоминаниях В. Лурье содержится намек на

интимную «связь» Богуславской с Феррари («Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье». Публикация Ренэ Герра, *Континент* 62 (1989), с. 247). Во втором по счету стихотворении – «Золото кажется белым» – за инициалами А.Б. посвящения скрыт А. Бахрах (см. письмо Бахраха В. С. Познеру от 22 мая 1923 г. – «Несколько штрихов к истории литературы первых лет эмиграции (Из архива В. С. Познера)». Публикация Олега Коростелева, в кн.: *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Материалы международной конференции. Таллинн, 12–14 сентября 2002*. Редакторы: В. Хазан, И. Белобровцева, С. Доценко (Иерусалим-Таллинн: Гешарим, 2004), с. 338).

²¹ Письмо от 16 марта 1923 г.

²² «Русская научная и литературная жизнь за рубежом. Берлин», *Новая Русская Книга*, 1923, № 5/6, с. 42–43; «Справочник», *Дни*, 4 мая 1923, с. 6.

²³ Здесь, в частности, была напечатана статья Шкловского об Иване Пуни. См.: Victor Schklovski, “Charakterköpfe futuristischer Künstler. Iwan Puni”, *Der Futurismus. Monatsschrift*, 1922, Nr. 5/6 (Oktober), <S. 1>. См. репродукцию текста в кн.: Herman Berninger, Jean-Albert Carter. *Pougny. Jean Pougny (Iwan Puni) 1892–1956. Catalogue de l’oeuvre. Tome 1: Les Années d’avant-garde, Russie – Berlin, 1910–1923* (Tübingen: Editions Ernst Wasmuth, 1972), p. 139; ср. здесь же, pp. 172–173.

²⁴ *Il Dizionario del Futurismo*. A cura di Ezio Godoli. K-Z (Firenze: Valecchi Spa, 2001), pp. 1206–1207.

- ²⁵ Volker Pirsich. *Der Sturm. Eine Monographie* (Herzberg: Verlag Traugott Bautz, 1985), S. 434; Карла Биланг, «Русские художники в журнале “Штурм” Херварта Вальдена в 1912–1932 годах», *Германия и Россия: События, образы, люди. Сборник российско-германских исследований*. Вып. 2 (Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999), с. 101–102. Позже, сменив симпатии к анархизму и коммунизму на приверженность фашизму, Вазари посвятил свою антологию новейшей итальянской поэзии, изданную в 1934 г., Герману Герингу. См.: Ruggero Vasari (Hrsg.). *Junges Italien. Eine Anthologie der zeitgenössischen italienischen Dichtung* (Leipzig: Verlag von Max Möhring, <1934>).
- ²⁶ «Театр и искусство», *Дни*, 12 мая 1923, с. 5.
- ²⁷ По неясным причинам книга не упомянута в издании: *Русская зарубежная книга. Часть вторая. Библиографический указатель. 1918–1924 гг.* Под ред. С. П. Постникова (*Труды Комитета Русской Книги*. Вып. 1). Прага: Издание Комитета Русской Книги и изд-ва Пламя, 1924.
- ²⁸ А. Закржевская, <рец.:> «Елена Феррари. “Эрифилли”. Изд-во “Огоньки”. Берлин, 1923 г.», *Дни* (Берлин), 1923, № 208, 15 июля (воскресенье), с. 15. Ср. отзыв К. Мочульского в парижском *Звене* от 15 июля 1923, воспроизведенный в кн.: К. Мочульский. *Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты* (Томск: Водолей, 1999), с. 344.
- ²⁹ Письмо от 8 января 1923 г. *Литературное Наследство*. Том 70, с. 570.

- ³⁰ Письмо Горького от 11 января 1923 г. *Там же*, с. 572.
- ³¹ *Литературное Наследство*. Том 70, с. 573–574.
- ³² В не вошедшем в публикацию *Литературного Наследства* письме от 5 июня 1922 г. Феррари поясняла: «Мне бесконечно стыдно перед Вами за мой вчерашний визит. Шла я к Вам с тем, чтобы просто и сердечно рассказать о том, что я зашла в глухой тупик и скоро вообще всё будет для меня кончено, только дико хочется еще увидеть Россию, хотя я и знаю, что никакого исхода она мне не даст и если ошибки, то мне туда и ехать не надо». (Выражаю искреннюю признательность О. Ю. Авдеевой и Н. В. Котрелеву за предоставленную мне информацию о неопубликованных письмах Феррари в архиве Горького.)
- ³³ См.: Н. Чебышев, «Гибель “Лукулла”. 15 октября 1921 года», *Возрождение*, 17 октября 1931, с. 4.
- ³⁴ «С докладом мы ехали на “Лукулл”. Некоторые наши совещания происходили на нем же», – вспоминал Чебышев в этом очерке.
- ³⁵ Ср.: «Гибель яхты “Лукулл”», *Последние Новости* (Париж), 1921, 20 октября, с. 1; «Гибель яхты “Лукулл”», *Последние Новости*, 1921, 21 октября, с. 1.
- ³⁶ Н. Чебышев, «Близкая даль. Последние месяцы в Константинополе», *Возрождение*, 25 июля 1932, с. 2–3. Для сравнения приведем фрагмент из недавно появившегося обзора истории советских спецслужб, в котором речь идет об этом же эпи-

зоде. Однако о роли Феррари здесь не сказано ни слова:

«Разумеется, как командующий сильной и хорошо организованной армии, генерал Врангель вызывал в Москве серьезные опасения. Поэтому было принято решение ликвидировать генерала, представив убийство как морскую катастрофу.

Дело в том, что в Стамбуле штаб-квартирой Врангеля служила морская яхта “Лукулл”. В этом был глубокий смысл, так как в любой момент яхта могла сняться с якоря и уйти в море, увозя с собой генерала, его штаб и охрану. Вечером 15 октября 1921 года Врангель покинул яхту для деловой встречи, хотя обычно в такое время находился на ее борту. Именно это обстоятельство и спасло ему жизнь – как только стемнело, яхту, стоявшую на рейде около Галаты, протаранил итальянский пароход “Адрия”. Удар пришелся точно в то место, где находился кабинет и спальня генерала. Яхта моментально пошла ко дну, погиб один офицер штаба Врангеля – мичман Сапунов, все ценности генерала и его архив затонули <...>

Следствие и суд над капитаном “Адрии” не доказали его злого умысла. Но ряд наблюдателей всё же отметили странные детали произошедшего. Во-первых, “Адрия” регулярно курсировала между Батуми и Стамбулом, что означало постоянный контракт с советскими торговыми организациями, который не мог заключаться с кем попало. Во-вторых, после того как “Адрия” потопила яхту,

она не села на мель около берега и моментально остановилась. Для большого парохода это означает только одно – таран был точно рассчитан. В-третьих, после гибели “Лукулла” пароходная компания, которой принадлежала “Адриа”, не только не уволила капитана, но и взяла его под свою защиту, согласившись выплачивать пожизненную пенсию вдове мичмана Сапунова, погибшего на яхте» (Александр Колпакиди, Дмитрий Прохоров. *КГБ: спецоперации военной разведки* (М.: АСТ, 2000), с. 48–50).

³⁷ См.: Н. Н. Чебышев. *Близкая даль. Воспоминания* (Париж, 1932), с. 348–350. На эту публикацию обратил внимание Габриэль Суперфин в заметке «Кое-что о Елене Феррари», *Русская Мысль* (Париж), 24 июня 1988, «Литературное приложение» № 6, стр. XII. Рецензия А. Ренникова на книгу Чебышева была помещена в газ. *Возрождение* 22 декабря 1932, с. 2.

³⁸ Владислав Ходасевич. *Камер-фурьерский журнал* (М.: Эллис Лак 2000, 2002), с. 188.

³⁹ В течение всего апреля 1923 интерес прессы к истории с яхтой был подогрев рассмотрением в константинопольском суде иска Врангеля к компании «Адриа». Ср.: «Никому не говорите о гибели денег и драгоценностей с яхты». Об иске генерала П. Н. Врангеля к итальянской компании “Адриа”. 1921–1926 гг., *Источник*, 2003, № 1, с. 82–88.

⁴⁰ *Литературное наследство*. Том 70, с. 565. Данные сведения повторены в кн.: *Сто поэтов Серебряно-*

го века. Антология. Составители и авторы биографических статей: М. Л. Гаспаров, О. Б. Кушлина, Т. Л. Никольская (СПб., 1996), с. 260.

- ⁴¹ Анатолий Диенко. *Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб* (М.: Русский Мирь, 2002), с. 510–511.
- ⁴² Так же – как Голубовская – дана ее фамилия и в других новейших источниках. См.: Александр Колпакиди и Дмитрий Прохоров. *Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки*. Кн. 2 (М.: Олма-пресс, 2001), с. 337; В. И. Бережков, С. В. Пехтерева. *Женщины-чекистки* (СПб.: Нева; М.: Олма-пресс, 2003), с. 309.
- ⁴³ Включая названные книги Колпакиди-Прохорова и Бережкова-Пехтеревой, а также справочник *Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий* (М.: Общество «Мемориал» – Издательство «Звенья», 2000), с. 416. В нем впервые приведены более детальные данные о конце жизни Феррари: «Арестована 1 декабря 1937 г. Приговорена к расстрелу 16 июня 1938 г. ВКВС СССР по обвинению в шпионаже и участии в к.-р. организации. Расстреляна 16 июня 1938 г.».
- ⁴⁴ Александр Колпакиди, Дмитрий Прохоров. *Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки*. Кн. 1 (М.: Олма-пресс, 2001), с. 150.
- ⁴⁵ Там же, кн. 1, с. 152.
- ⁴⁶ В. М. Лурье, В. Я. Кочик. *ГРУ. Дела и люди* (СПб.: Нева; М.: Олма-пресс, 2002), с. 367. Ср. здесь же

(с. 483) заметку о самой Феррари, где упоминается, что она владела английским, французским, немецким, итальянским и турецким языками. В заметке о Воле в кн.: *Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб* (М.: Русский Мирь, 2002), с. 101, фамильная близость его с Феррари обойдена, причем в справке о Феррари (с. 510–511) указано, что она по национальности – русская.

⁴⁷ Там же, с. 367.

⁴⁸ Я. Черняк, «Записи 20-х годов», *Вопросы Литературы*, 1990, № 2, с. 40; *Воспоминания о Борисе Пастернаке*. Составление, подготовка текста, комментарии Е. В. Пастернак, М. И. Фейнберг (М.: Слово/Slovo, 1993), с. 123 (запись от 10 января 1924 г.). Врач, упомянутый в записи, – возможно, Л. Г. Левин, близкий знакомый семьи Пастернаков, обвиненный на «бухаринском» процессе 1938 г. в убийстве М. Горького.

⁴⁹ Неопубликованное письмо Феррари к Горькому от 11 октября 1924 г.

⁵⁰ Elena Ferrari. *Prinkipo* (Roma: Edizioni della Bilancia, 1925).

⁵¹ *Il Dizionario del Futurismo*. A cura di Ezio Godoli. K-Z. (Firenze: Valecchi Spa, 2001), pp. 826, 999–1000.

⁵² На такой же должности числился и прогремевший позднее разведчик-невозвращенец В. Г. Кривицкий. См.: В. М. Лурье, В. Я. Кочик. *ГРУ. Дела и люди*, с. 615.

- ⁵³ Возможно, в это время она подвизалась на мелкой журналистской работе в разных московских периодических изданиях – в «Новом Зрителе», «Красной Ниве», «Красной Звезде», «Известиях», «Юном Коммунисте» и «Пионере», скрываясь под невзрачными псевдонимами Иванов, К.П. и Ф.Л. См.: И. Ф. Масанов. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. Том 4. *Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов* (М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960), с. 189.
- ⁵⁴ См.: Евгений Горбунов, «Военная разведка в 1934–1939 годах», *Свободная мысль*, 1998, № 2, с. 100.
- ⁵⁵ Письмо от 24 апреля 1923 г. *Литературное Наследство*. Том 70, с. 574.
- ⁵⁶ Возможно, «моторов» здесь – опечатка и читать надо: «катеров». Канонерская лодка «Батурин», фигурирующая в посвящении к другому стихотворению сборника, упоминается в статье: Станислав Гордеев, «Гибель средне-днепровской флотилии», *Моряки в гражданской войне. Бизерта 1920–1921. Сборник* (альм. *Белая гвардия*. Тетр. 4) (М., 2000), с. 25–27.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭРИФИЛЛИ

Эрифилли	7
«Золото кажется белым...»	8
«Море в отсветах лиловых...»	9
«Пахнет морем и зноем...»	10
«Море – битва, мачта – знамя...»	11
«Мне звезды на небе – глаза твои...»	12
Свечи к образам	13
Молитва	14
Эшелоны	15
Полночь	17
Кафе	18
Полдень	19
На углу	20
Часы вокзальные	21
Вокзал.....	22
«Куда мне девать глаза...»	23
«Тенью серой, тенью тихой...»	24
«Вы уедете и сразу станет пусто...»	25
«Захлопнутым мышонком сердце билось...»	26
«От зеркал и стекол зайчики...»	27
«Свищет и дразнит ветер...»	28
<i>Л. С. Флейшман. Поэтесса-террористка</i>	<i>29</i>

Феррари Е. К.

Ф43 Эрифилли. – М.: Водолей, 2009. – 80 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 978–5–91763–004–5

Елена Феррари (О. Ф. Голубовская, 1889-1938), выступившая в 1923 году с воспроизводимым здесь поэтическим сборником «Эрифилли», была заметной фигурой «русского Берлина» в период его бурного расцвета. Ее литературные дебюты вызвали горячий интерес М. Горького и В. Шкловского. Участие в собраниях Дома Искусств сделало Елену Феррари одной из самых активных фигур русской литературной и художественной жизни в Берлине накануне ее неожиданного возвращения в советскую Россию в 1923 г. Послесловие Л. С. Флейшмана «Поэтесса-террористка», раскрывая историко-литературное значение поэтической деятельности Елены Феррари, бросает свет также на «теневые», малоизвестные обстоятельства ее загадочной биографии.

ББК 84Р7-5

Феррари Елена Константиновна

Эрифилли

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 30.01.08. Формат 60x90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 2,5

Тираж 100 экз. Заказ №

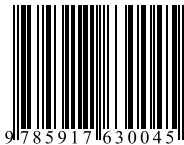
Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

тел. (495) 618-17-80. E-mail: agathon@rambler.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

9 785917 630045

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается с горя: Стихотворения разных лет. 2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвластна лишь любовь: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@rambler.ru